

Колыбель Н.М. Карамзина

Историк государства Российского родился в Симбирской провинции, в селе Знаменское, Карамзино тож. Н.М. Карамзин всегда помнил, откуда он родом, хорошо знал свою родословную.

Некий Семен Карамзин чис-

лился в дворянах при Иване Грозном (может быть, за опричные заслуги), три его сына уже тогда владели землями на Волге, а один из праправнуков – отставной капитан Михаил Егорович Карамзин стал отцом будущего великого

историка. Мать Николая Михайловича умерла рано, отставной капитан женился во второй раз на тетке Ивана Ивановича Дмитриева. Так две будущие знаменитости породнились да к тому же еще и подружились.

У отца от двух браков – шестеро детей. Николая сначала учат дома, затем – Московский пансион, с 15 лет в Петербурге, в Преображенском полку, откуда выходит в отставку поручиком. 23-летним отправляется в заграничное странствие, возвращается с “Письмами русского путешественника”, затем сентиментальные повести, поэтические сборники, слава...

Симбирская провинция (еще не губерния), юго-восточный край империи, начало великих пугачевских степей, мир замшелых душевладельцев. Но именно отсюда является умный, образованный, талантливый мальчик. Первым учителем будущего историографа был местный дьячок, “славнейший грамотей в околотке”. Ребенок развивался быстро, чему много способствовала семейная библиотека. Большое влияние оказали на Карамзина родные места.

В одном из писем брату Василию он восторгается родной природой: “Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе”. Симбирские “следы” мы встречаем и в произведениях Карамзина. Едва ли не первым он сделал Волгу одной из любимых тем русской поэзии. Восторженным преклонением перед великой рекой дышит его стихотворение “Волга”:

*Река, священнейшая в мире,
Кристалльных вод царица-мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга, величать...*

О родных местах вспомнил Карамзин и в повести “Наталья, боярская дочь”. Герой повести Алексей раскрывает своей возлюбленной Наталье семейную тайну об оклеветанном отце, взятом под стражу и бежавшем из темницы на Волгу. Прочтем внимательно этот отрывок.

“В пределах России не было для нас безопасности, мы удалились в ту страну, где река Свяга вливается в величественную Волгу и где многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету – народы суеверные, но страннолюбивые. Они приняли нас дружески, и

Река Карамзинка

мы около десяти лет жили с ними, не имели ни в чем недостатка, но беспрестанно горевали о своем отечестве; сидели на высоком берегу Волги и, смотря на ее волны, несущиеся от стран Российских, проливали жаркие слезы...

В этом описании мы узнаем Волжскую Булгарию. С сердечной теплотой отзывается герой о местных жителях, их гостеприимстве, так что создается впечатление, что Карамзин неплохо знал обычаи и нравы обитателей волжских степей, историю Булгарии.

Надо полагать, в детстве окружающая природа оказала на будущего писателя большое влияние, ведь с утра до вечера он находился в самом тесном с ней соприкосновении. Однажды в Карамзинке произошло необыкновенное событие, сильно повлиявшее на впечатлительного мальчика. Раз во время грозы он бежал из леса домой, как вдруг из-за деревьев прямо на него вышел медведь. В ужасе мальчик упал без сознания. Когда он очнулся, то увидел зверя подле себя мертвым: его убило молнией. Этот случай Николай Михайлович не раз подтверждал и считал символом своего исключительного предназначения. В повести *“Рыцарь нашего времени”* (гл. 7) мы прочтем описание этого события.

“В сие же лето Леоново сердце вкусило живое чувство мироправителя при таком случае, о котором он после во всю жизнь свою не мог

вспоминать равнодушно. Мысль о божестве была одною из первых его мыслей. Нежная родительница наилучшим образом старалась утвердить ее в душе Леона. Срывая для него весенний луговой цветок или садовый летний плод, она всегда говорила: “Бог дает нам цветы, бог дает нам плоды!” - “Бог! - повторил однажды любопытный младенец. - Кто он, маменька?” - “Небесный отец всех людей, который их питает и делает им всякое добро; который дал мне тебя, а тебе меня”. - “Тебя, милая? Какой же он добрый! Я стану всегда любить его!” - “Люби и молись ему всякий день”. - “Как же ему молиться?” - “Говори: божже! Будь к нам милости!” - “Стану, стану, милая!..” Леон с того времени всегда молился богу. Ах! Он молился ему со слезами в болезнь родительницы своей! Но судьбы высшего неисповедимы. - Такова была религия нашего героя до сего лета и до случая, который теперь описать желаю.

В один жаркий день он, по своему обыкновению, читал книгу под сению древнего дуба; старик дядька сидел на траве в десяти шагах от него. Вдруг нашла туча, и солнце закрылось черными парами. Дядька звал домой Леона. “Погоди”, - отвечал он, не спуская глаз с книги. Блеснула молния, загремел гром, пошел дождик. Старик непременно хотел идти домой. Леон завернул книгу в платок, встал и посмотрел на бурное небо. Гроза

усиливалась: он любовался блеском молнии и шел тихо, без всякого страха. Вдруг из густого лесу выбежал медведь и прямо бросился на Леона. Дядька не мог даже и закричать от ужаса. Двадцать шагов отделяют нашего маленького друга от неизбежной смерти: он задумался и не видит опасности; еще секунда, две - и несчастный будет жертвою яростного зверя. Грянул страшный гром... какого Леон никогда не слышивал; казалось, что небо над ним обрушилось и что молния обвилась вокруг головы его. Он закрыл глаза, упал на колени и только мог сказать: “Господи!”, через полминуты взглянул - и видит перед собою убитого громом медведя. Дядька насилу мог обраться и сказать ему, каким чудесным образом бог спас его. Леон стоял все еще на коленях, дрожал от страха и действия электрической силы; наконец устремил глаза на небо, и, несмотря на черные, густые тучи, он видел, чувствовал там присутствие бога - Спасителя. Слезы его лились градом; он молился во глубине души своей, с пламенною ревностью, необыкновенною во младенце; и молитва его была... благодарность! - Леон не будет уже никогда атеистом, если прочтает и Спинозу, и Гоббеса, и “Систему натур”.

Читатель! Верь или не верь: но этот случай не выдумка”.